

Похож на маленькое животное, да и на ребёнка, которого сильно обидели. Юн Цзинь своими темными глазами смотрел на талию Чжоу Цзюня, и вот что подумал: сверху было несколько отпечатков пальцев. Следы от хваток были не только на талии, но и на ягодицах, груди, даже на шее и щеках. Он вошел в него, но не двигался. Однако человек снизу, похоже, понял его неправильно, решив, что прозвучал сигнал к окончанию.

Чжоу Цзюнь начал двигаться медленно, дрожащими коленями ползая вперед. Ощущение, как тот предмет понемногу выходит, было изматывающим, его пот снова капал, оставляя на простыне овальные мокрые следы. Он вцепился в подушку, думая, что вот-вот всё закончится. Откуда ему было знать, что, убежав наполовину, он будет снова грубо пойман: ягодицы с громким звуком ударились о бедра, от чего Чжоу Цзюнь не удержался и всхлипнул, очень малодушно, и снова захотел плакать.

Чжоу Цзюнь был весь в поту, и впадина посреди спины выглядела соблазнительно из-за поворотов талии. Свет от изголовья падал ему на спину, создавая игру полутени, подчеркивая маленькую ямку на пояснице, в которой блестели капельки пота. Юн Цзинь сильно вошел, а затем замедлил натиск. Одной рукой он зажал руку Чжоу Цзюня, другой откинул его волосы, разглядывая профиль в теплом свете. Красная мочка уха Чжоу Цзюня показалась из растрепанных волос, и Юн Цзинь наклонился, схватив зубами розовое мясо ушной раковины.

Он слышал, как Чжоу Цзюнь тихо постанывал — было больно, и он недовольно фыркнул носом. Вскоре Чжоу Цзюнь начал задыхаться, открыл рот, чтобы крикнуть пару раз, но затем сдержанно сжал губы. Но это было слишком невыносимо, и сзади снова начали сильно его долбить; Юн Цзинь отпустил его руку, полностью сосредоточившись на том, чтобы держать его за талию и трахать.

Как только рука освободилась, Чжоу Цзюнь скрестил руки на груди и глубоко зарылся лицом в них. Дыхание больше не сдерживалось, и вскоре его сильно толкали, он вскрикивал, но звук был заглушен руками и постелью. Но его всё равно было слышно, как и блеск влаги на члене при его выходе — это было невозможно скрыть.

Ягодицы поднимались изгибом от талии, и предмет, вложенный в них, возвратно-поступательно сжимает изгиб ягодиц, то делая их круглыми, то плоскими. Когда толчок был слишком сильным, они сжимались вокруг предмета, дрожа, выдавая немного вязкой жидкости, которая тянулась длинной нитью и не рвалась даже при яростных толчках. Пока больше жидкости не стекало по нитям вниз, всё разбрызгиваясь на простыню.

Чжоу Цзюня подняли, его передняя часть выгнулась, словно пытаясь сбежать, но ягодицы и лицо были плотно прижаты к мужчине сзади. Под его бедрами лежали другие крепкие ноги, он сидел верхом на Юн Цзине спиной к нему, ноги растянуты, а движения сзади не прекращались, бесконечно буй внутри. Рука Юн Цзиня грубо искала его грудь, соски уже были распухшими, перекатываясь в грубой мужской ладони, причиняя ещё больше боли.

Юн Цзинь попробовал его на вкус со всех сторон, очень одержимо любя его целовать. Язык Юн Цзиня был таким же властным, как он сам, перемешивая всё в голове Чжоу Цзюня, и несколько стонов, похожих на рыдания, вырывались из плотно сжатых губ. Руки Юн Цзиня крепко сковали его плечи, а снизу входил ещё яростнее.

Внутри бушевала волна наслаждения, одна за другой, приближаясь к пику. Частые удары по чувствительным местам заставляли член Чжоу Цзюня, который почти не трогали, опухнуть и заболеть. Та штука болталась перед ним, и с красного кончика постоянно вытекала вода. Простыня под ними уже была вся испорчена, бесформенно скомкана, в пятнах и складках от

влаги.

Оргазм наступил внезапно, и когда его доставили на пик, удары сзади еще не прекратились. Каждый дюйм прохода спазмировал, физиологически сжимаясь, почти выталкивая Юн Цзиня. Чжоу Цзюнь бессознательно сжал ноги, но сомкнуть их не мог — колени были зажаты коленями Юн Цзиня, а яростное наступление внутри не останавливалось, с силой врываясь в его конвульсирующий проход, безжалостно ударяя.

Чжоу Цзюнь уже не понимал, что делает, он чисто инстинктивно царапал простыню в борьбе, с плачущим голосом. Та борьба была подавлена еще более жестоко: Юн Цзинь крепко обнял его, прижав обратно к кровати, его ноги были широко расставлены, его прижали сзади и трахали ещё сильнее. Спереди кровать, сзади человек — он был зажат посередине, некуда бежать.

Не утихшее внутри удовольствие снова было разожжено, Чжоу Цзюнь дергал простыню, жалко крича и плача, а когда Юн Цзинь снова вошел, очень глубоко и кончил, он запрокинул подбородок, и снизу тоже в перерывах вытекло довольно много семени. Когда яростная страсть немного улеглась, он тяжело упал на кровать. Бессознательно сжав ягодицы, он сжал тот горячий твердый предмет внутри.

Маленькое движение Чжоу Цзюня стоило ему того, что Юн Цзинь развел его ноги и начал медленно выходить. Без члена, закупоривающего вход, семя, конченное внутри, потекло рекой, и через мгновение уже намокло большое пятно. Юн Цзинь снял и мокрые штаны, стоя голым и доставая пачку сигарет из кармана брюк. Чжоу Цзюнь, чувствуя дискомфорт в теле, хрипло сказал:

— Ты ещё и кончил внутрь.

Из-за того, что голос был слишком хриплым, и еще из-за остаточного эффекта после секса, тон был недостаточно строгим, и это звучало не как упрек, а скорее как невольное соблазнение. Юн Цзинь, держа сигарету во рту, оглянулся на него, взгляд упал между его ног:

— Боишься, что забеременеешь?

Лицо Чжоу Цзюня мгновенно покраснело, круг ругательств подкатил к горлу, но он прожевал и проглотил их. Он сел, выхватил сигарету изо рта Юн Цзиня и сам закурил эту сигарету после дела.

Он нарочно поднял белую верхнюю одежду Юн Цзиня и вытер ею постоянно вытекающее семя с промежности:

— Если бы генерал-майор Юн мог бы меня оплодотворить, я бы не возражал, пусть кончает внутрь хоть тысячу раз. К сожалению, ваша семенная жидкость слишком ценна, не стоит тратить её на мне.

С этими словами одежда, испачканная «ценной» семенной жидкостью, была небрежно отброшена Чжоу Цзюнем в сторону, и он, придерживая ноющую поясницу, собрался идти в душ принять душ.

Его отношение было ужасным, но кто может требовать от жертвы, только что подвергшейся насилию, улыбаться? В комнате ещё не выветрился запах страсти, подушки и одеяла на кровати сдвинулись с места, обнажая бежевый матрас снизу. Простыня, полная улик, свисала наполовину, лежа на порванных чулках и смятом ципао.

Баночка крема лежала вверх дном у ног Юн Цзиня, полбанки белого крема растаяло по краю узора ковра. Он достал платок и не спеша стал вытирать низ. Неизвестно о чем он подумал, но вдруг слегка улыбнулся, выражение лица стало мягким и двусмысленным. К сожалению, эту улыбку Чжоу Цзюнь, находящийся в ванной, не видел. Возможно, это и к лучшему, а то бы господин Чжоу снова разозлился.

В квартире всегда были проведены трубы горячей воды, но неизвестно, на каком этапе произошла ошибка. Сначала вода всегда шла ржаво-желтого цвета с запахом ржавчины. Поэтому, даже если можно было получить горячую воду, обычно Чжоу Цзюнь платил деньги, чтобы носильщики приносили горячую воду наверх и заливали в ванну. Но сегодня условий для этого не было: не говоря уже о том, что в спальне был голый мужчина, на самом нём повсюду были следы, и у него не было лица пускать постороннего в эту комнату.

Любой сразу бы понял, чем занимались эти двое мужчин в комнате — делом, о котором не принято говорить. Хотя это и было делом, которое нельзя показать людям, начало было не слишком хорошим, и тело после этого чувствовалось не слишком бодро. Но процесс был слишком приятен, до потери сознания, пожалуй, если бы Юн Цзинь в тот раз попросил его сделать что угодно, он бы согласился, в точности как говорится: «лучше умереть под пионом».

Когда вода из трубы стала чистой, Чжоу Цзюнь уже не хотел принимать ванну. Он просто встал под душ и медленно смывал слизь в промежности. Когда дверь ванной открылась, Чжоу Цзюнь всё ещё намыливал голову. Пена попала в глаза, и он не мог их открыть, слышал только, как замок щелкнул, открылся и закрылся.

Появление еще одного человека за спиной заставило ванную казаться тесной. Свет в ванной был всё так же нежно-желтым, комната была наполнена жаром, пар словно невидимая вуаль окутывал спину Чжоу Цзюня. Даже следы от укусов и зацепов на теле казались не такими четкими.

Когда Юн Цзинь обнял его сзади, Чжоу Цзюнь успел только смыть пену с лица. Он, конечно, знал, зачем Юн Цзинь вошел, и если бы были условия, он бы не против был еще раз. Но сегодня считалось его первым разом, первым разом, который он четко помнит. Плюс ко всему, с таким трудом отмыв себя изнутри, если бы снова кончили внутрь, разве не пропали бы зря все его старания?

<http://bllate.org/book/16825/1547312>